

Глава 31

Свадебное торжество подошло к концу, и ассистент Гу Тина доставил Цзи Мяня к самому дому.

В эту первую брачную ночь, как и в последующие несколько дней, новобрачные не планировали возвращаться. Юноша остался один. Мастерская внизу тонула в непроглядной тьме. Окна второго этажа тоже не светились — Дуань Чжо еще не было дома.

Прижимая к груди пальто брата, Цзи Мянй застыл у порога, охваченный щемящей растерянностью.

Он долго колебался, не решаясь подняться к себе. В голове набатом стучала мысль: насколько серьезно тот болен?

У Цзи Мяня были ключи от мастерской. Он отпер дверь, зажег свет и, отыскав в углу свой маленький складной табурет, устроился за дверью. Он решил ждать, пока Дуань Чжо не вернется.

[Теперь ты уже не боишься встречи с ним?] — поинтересовался Система.

Юноша покачал головой.

«Всё еще боюсь».

Но он не мог забыть тот звонок, прерывистое дыхание и вой сирен. А еще...

Цзи Мянй опустил голову. Подбородок коснулся ткани пиджака, от которой исходил едва уловимый аромат табака. Ему нужно было во что бы то ни стало вернуть вещь владельцу.

Внезапно тьму за окном прорезали два ярких луча теплого света. Послышался рокот мотора. Цзи Мянй поднял голову: серая машина замерла у входа.

При мысли о том, кто сидит внутри, у него на мгновение онемели ноги. Но он всё же заставил себя встать.

Стоило ему распахнуть дверь и выйти, как Сунь Ци уже выскочил из-за руля. Он открыл заднюю дверцу и протянул руку, намереваясь помочь кому-то выйти. Цзи Мянй не успел осознать причину такой заботы, как из салона, низко склонив голову, выбрался Дуань Чжо. Его правая рука уперлась в дверцу машины, сухо отклоняя помощь друга.

Он сделал шаг, и его фигура заметно качнулась.

— Брат, полегче, не спеши.

Дуань Чжо не удостоил Сунь Ци ответом. Словно почувствовав чужой взгляд, он поднял глаза и посмотрел прямо на вход в мастерскую.

Когда их взгляды встретились, зрачки Цзи Мяня сузились, а сердце, казалось, на миг перестало биться.

Белая рубашка Дуань Чжо была изрезана острыми камнями, а на коже под разодранной тканью виднелись многочисленные ссадины. Сам он выглядел так, будто его только что вытащили из воды: промокший до нитки, с застывшими на морозном ветру короткими волосами.

Он казался человеком, вернувшимся из бездны отчаяния. В его темных глазах застыла такая отрешенность, что этот взгляд, словно тупой нож, вонзился в самое сердце Цзи Мяня.

Они оба замерли.

Глядя на брата, юноша ощутил странное, интуитивное чувство: ему показалось, что в эту секунду Дуань Чжо больше всего на свете хочет подойти и крепко прижать его к себе.

Но тот не шевельнулся.

Поддавшись безотчетному порыву, Цзи Мянь медленно сделал шаг вперед. Он сам хотел обнять его.

Сунь Ци, только что захлопнувший дверцу, заметил застывшую фигуру Цзи Мяня и его приподнятую руку. Охваченный бурной радостью, он бросился вперед и стиснул парня в объятиях.

— Ах ты, паршивец!

— ...Брат Сунь? — Цзи Мянь вздрогнул, приходя в себя.

Сунь Ци с силой похлопал его по спине, и в его голосе послышались непрошенные слезы:

— Мелкий гаденыш, ты меня до смерти напугал!

Цзи Мянь окончательно запутался. Напугал? Но он ведь... ничего не сделал?

Сунь Ци то плакал, то ругался, перемежая речь крепким словом, но в его тоне не было обиды.

Юноша стоял как в тумане, его собственные чувства смешались в невообразимый хаос.

Он хотел смотреть только на старшего брата.

Но когда он снова нашел его взглядом, Дуань Чжо уже отвернулся. Опустив голову, он медленно побрел прочь. Цзи Мяннь видел лишь его спину — одинокую и холодную, как воды зимней реки.

Сердце вдруг сжала острая боль, но происходящее оставалось для него загадкой.

— ...Что с ним? — спросил он Сунь Ци. — Разве это не аллергия?

— ...Да какое там! Мы... мы это... героями были! Про мост Сичэн слышал? Там сегодня человек в реку сиганул, вот мы с братом и полезли спасать.

Сунь Ци не стал признаваться, что они приняли того несчастного за самого Цзи Мяння. Сейчас это казалось ему верхом глупости.

Парень в изумлении распахнул глаза. Неужели его брат — такой самоотверженный человек?

— Брат вместе с пожарными полчаса в воде возился. Вытащили мужика средних лет, откачали. Я-то плавать не умею, а то бы тоже нырнул, — Сунь Ци заметно повеселел. — Если газетчики не подкачают, завтра твой брат станет «героем дня» и почетным гражданином!

Представив заголовок про «добропорядочного гражданина Дуаня», он не выдержал и хохотнул.

Цзи Мянню же было не до смеха. Стоило ему вспомнить раны на теле Дуань Чжо, как каждая ссадина, казалось, отзывалась болью в его собственной душе.

— Я поднимусь к нему. Проведаю.

— Да, да, иди. Брат сегодня... он сегодня, пожалуй...

Что «пожалуй», Сунь Ци так и не договорил.

Цзи Мяннь запер мастерскую, подхватил пальто и поднялся на второй этаж. Он постучал в дверь Дуань Чжо.

Дверь была заперта. Он долго стучал и звал брата, пока голос не начал хрипнуть, но ответа так и не дождался.

Он не знал, что человек, которого он так отчаянно хотел увидеть, сидел прямо за дверью, привалившись к ней спиной. Их разделяло лишь несколько сантиметров дерева.

Цзи Мянью пробыл дома всего два дня, после чего вернулся в университет.

Когда Дуань Чжоу хотел от кого-то скрыться, найти его было невозможно.

Перед отъездом Цзи Мянью аккуратно сложил пальто в пакет и повесил его на ручку двери брата.

Вернувшись в вуз, он вдруг остро пожалел о том, что так рано подписал рабочий контракт. На четвертом курсе, когда вопрос с будущим был решен, жизнь в кампусе стала пустой и пресной. Томительные каникулы превратились для него в пытку. Стоило ему на миг забыться, как в памяти всплывал образ Дуань Чжоу и тот обжигающий поцелуй.

После свадьбы Му Юйманью тот больше не звонил. Цзи Мянью тоже не решался набрать номер. Они не переписывались и не виделись два месяца. Отношения, когда-то бывшие такими теплыми, непоправимо изменились после одного поцелуя.

Но эта холодная война была не похожа на прежние размолвки. Между ними словно натянулась невидимая струна, причиняя обоим почти физическую боль.

Перед зимними каникулами компания, в которой Цзи Мянью должен был работать, предложила ему пройти досрочную стажировку. Он согласился.

Об этом юноша никому не рассказывал. Лишь когда праздники были в самом разгаре, Му Юйманью осторожно спросила в телефонном разговоре:

— Почему ты не приехал на каникулы?

— Я пошел на стажировку в компанию, сестра Юйманью.

— А, вот оно что. Понимаю.

— Угу.

— ...Цзи Мянью, — голос сестры на мгновение прервался. — Вы с братом не ссорились?

Он заставил себя улыбнуться:

— Нет, что ты. Просто работа.

Му Юймань помолчала и тихо ответила:

— Ну и хорошо. Скоро Новый год, когда ты приедешь?

— Я... я не смог достать билет. В этом году, наверное, не получится вернуться.

Цзи Мянью солгал. Билеты были в дефиците, но пару дней назад он еще мог купить билет на тридцатое число. Однако когда пришло время вводить данные, перед его глазами возник холодный взгляд Дуань Чжо. Его пальцы долго дрожали над клавиатурой, пока он наконец не закрыл страницу покупки.

— Да, билеты сейчас — большая проблема, — сочувственно отозвалась Му Юймань.

Вскоре позвонил Сунь Ци. Шел уже первый день Нового года. Он был куда прямолинейнее:

— Цзи Мянью, ты чего на праздник не приехал? Неужто с братом разругались?

— Нет, я на стажировке. Билетов не было, — парень стоял в своей съемной комнате у окна, рисуя пальцем на запотевшем стекле. — С... с ним что-то случилось?

— Да нет, ничего такого... Просто он какой-то странный в последнее время, — вздохнул Сунь Ци. — Он запретил мне тебе звонить, так что ты не проговорись, ладно?

Собеседник зря беспокоился. Цзи Мянью и Дуань Чжо не общались два месяца, так что шансов «проговориться» у него просто не было. О том, что они полностью прервали связь, Сунь Ци даже не догадывался. Му Юймань, возможно, что-то и подозревала, но лишь на уровне догадок. В конце концов, она видела, как сильно эти двое были привязаны друг к другу.

— Хорошо, я буду молчать.

— Ну а... каникулы-то еще долгие. После праздников заглянешь?

Юноша замолчал на несколько секунд.

— Не знаю, брат Сунь.

— Ладно, ладно, не приедешь — и не надо. У брата всё в норме, не бери в голову.

Сунь Ци еще немного поспрашивал о стажировке: не тяжело ли работать, нашел ли он жилье. Но человек, от которого Цзи Мянью больше всего ждал этих вопросов, так и не объявился.

— Точно не приедешь? — напоследок спросил Сунь Ци.

Было видно, что он изо всех сил старается казаться понимающим, но его порывистый характер то и дело выдавал его.

— Я... посмотрю билеты. Если будут — приеду, — уклончиво ответил Цзи Мянью, не слишком веря в собственные слова.

— Вот и славно! — голос Сунь Ци мгновенно подпрыгнул на октаву. — Тогда я брату пока ничего не скажу. А то вдруг не приедешь, он опять расстроится.

Он повесил трубку. Цзи Мянью остался наедине с эхом его последнего слова.

«Расстроится». Если он не вернется, Дуань Чжо действительно будет расстроен?

Юноша стер влагу со стекла, проделав в нем маленькое прозрачное окошко. Через него он видел летящие хлопья снега и серебристый иней на земле. В комнате воцарилась пугающая тишина.

[Хочешь вернуться?] — спросил Система.

«...» — Цзи Мянью тихо вздохнул. — «Я хочу увидеть его, но...»

Он просто не представлял, как теперь смотреть Дуань Чжо в глаза.

[Раз ты не можешь решить, пусть за тебя это сделает случай. Я проверила: на послезавтра есть билеты в листе ожидания. Если повезет — выкупим. Попробуем?]

Спустя долгое время парень медленно кивнул.

«Да».

Он прождал два дня. И вот, за три часа до отправления поезда, кто-то сдал билет.

Удача это была или нет, но Цзи Мянью получил свое место. В спешке побросал вещи в рюкзак,

захватив только самое необходимое. Дальше была суматошная гонка на такси, вокзал и проверка билетов. Суэта не давала ему времени осознать всю сложность принятого решения.

Лишь когда поезд тронулся, его накрыло волной тревоги и странного возбуждения. В вагоне было тепло, но его руки оставались ледяными, а сердце колотилось как сумасшедшее.

Поезд прибыл в половине десятого вечера. Здесь тоже шел снег — куда сильнее, чем в городе, где он работал. Землю укрыл плотный слой снега. Когда такси высадило Цзи Мянью у входа в старый квартал, было уже начало одиннадцатого.

Лишь в немногих окнах горел свет, но на улицах было довольно светло от красных фонарей. Мастерская была погружена во тьму, окна гостиной на втором этаже тоже не светились.

Цзи Мянью знал, что Дуань Чжоу обычно ложится между десятью и одиннадцатью вечера, и сейчас не мог понять — спит тот или нет.

Он закусил губу и, вцепившись в ручку входной двери, глубоко вдохнул морозный воздух. Только после этого он приложил магнитную карту. В подъезде вспыхнул свет, заставив сердце юноши снова ёкнуть.

Его вдруг сковал страх: он боялся, что его приход будет замечен. Но разве он вернулся не для того, чтобы встретиться с братом? Цзи Мянью начал понимать слова Системы: люди — существа крайне противоречивые. И он сам был ярким тому примером.

Он закрыл дверь максимально осторожно — замок щелкнул почти беззвучно. Парень крался вверх, словно вор. Свет зажигался на каждом этаже, сопровождая его путь.

Он замер перед дверью Дуань Чжоу. Нельзя же было просто так подняться к себе, не сказав ни слова.

«Может, он уже спит?» — мелькнула мысль.

Рука поднялась для стука и снова безвольно опустилась. Прошло несколько минут. Когда он занес руку в третий раз, Цзи Мянью в отчаянии зажмурился и всё же постучал. Негромко — так, чтобы Дуань Чжоу услышал, только если еще не уснул.

Прошло полминуты. Никто не ответил. Наверное, и правда спит.

«...»

Юноша не мог понять, чего в нем больше — разочарования или облегчения. Но чувство, что гора свалилась с плеч, было реальным. Он опустил голову, напряжение в плечах исчезло, тело

обмякло.

Цзи Мянью поднялся на третий этаж. Достал ключи, стараясь не шуметь. Тревога отступила, и он совсем забыл, что в своей собственной квартире ему уже не нужно красться на цыпочках.

Дверь тихо щелкнула и открылась. Парень вошел внутрь и замер.

В квартире не было темно. Гостиная действительно тонула в сумерках, но из приоткрытой двери его спальни пробивался луч теплого желтого света. Он рассекал полумрак, словно клинок. Цзи Мянью на миг даже заподозрил, что два месяца назад забыл выключить настольную лампу.

Колеблясь, он не стал зажигать свет и медленно направился к комнате.

Щелк.

Щелк.

Странный, едва слышный металлический звук доносился из-за двери. Цзи Мянью положил ладонь на дверное полотно и через секунду решительно толкнул его.

Перед ним предстала неожиданная картина. В спальне горел лишь маленький ночник на тумбочке у кровати. В его тусклом свете, привалившись спиной к изножью, на полу сидел человек. Он сидел спиной к двери и задумчиво вертел в руках алюминиевую зажигалку.

Цзи Мянью замер, не сводя глаз с этой до боли знакомой фигуры.

Дуань Чжо не заметил его появления. Крышка зажигалки в его руках то открывалась, то закрывалась, издавая сухой, ритмичный лязг. В тишине пустой комнаты этот звук казался оглушительным и невыносимо тоскливым.

Он не курил. В комнате Цзи Мянью не пахло табаком — только едва уловимым ароматом свежего белья. Брат никогда не позволял себе курить здесь.

Затаив дыхание, юноша смотрел на его спину. Между ними было всего три метра. Он не издавал ни звука и не двигался.

Щелк.

Щелк...

Когда крышка зажигалки захлопнулась в очередной раз, Дуань Чжо замер. В комнате повисла тяжелая тишина. Спустя мгновение он, словно что-то почувствовав, медленно обернулся.

Мужчина моргнул, глядя прямо на человека в дверях. Его темные глаза утратили привычную ясность — они подернулись дымкой, будто он сомневался, не галлюцинация ли перед ним. В этом взгляде было столько же обреченности, сколько в ту ночь после свадьбы, когда он вернулся промокшим до нитки.

Сердце Цзи Мянь пронзила острая боль.

— Брат.

Тихий голос юноши стал для него ответом. Не галлюцинация.

Дуань Чжо несколько секунд не мог прийти в себя, не отрывая взгляда от его лица, пока Цзи Мянь снова не заговорил:

— ...Я вернулся.

— ...

Дуань Чжо словно ударил током. Он резко вскочил, задев спиной тумбочку — та отозвалась глухим стуком. И снова воцарилась тишина.

Они смотрели друг другу в глаза, не в силах вымолвить ни слова. Цзи Мянь хотел спросить, что он здесь делает, но в ту же секунду понял, что ответ ему уже известен. Это читалось во взгляде Дуань Чжо — таком же явном, как сама истина.

Прошло много времени, прежде чем тот первым отвел глаза. Он подошел ближе, глядя куда-то в макушку юноши, и бесстрастно спросил:

— Надолго приехал?

— ...

— Не знаю. Билет обратно еще не брал.

— Понятно, — Дуань Чжо коротко кивнул и, убрав зажигалку в карман, попытался обойти его, чтобы уйти.

— Брат.

Тот резко замер.

Но Цзи Мянй молчал, словно окликнул его в порыве чувств, не зная, что сказать дальше. Так оно и было. Он и сам не понимал, зачем его остановил.

— ...Что?

Взгляд брата переместился на его лицо: на пряди волос у лба, на изгиб бровей, на ресницы и, наконец, в эти янтарные глаза. Он больше не двигался, словно голос Цзи Мянй пригвоздил его к месту.

Взор Дуань Чжо стал почти осязаемым — он давил, лишая возможности дышать. Юноша поднял голову, встречая этот прямой, обжигающий интерес. Любовь в глазах мужчины больше не была скрыта — она была выставлена напоказ, покорно ожидая своего приговора.

Сердце Цзи Мянй пустилось вскачь.

Снег за окном укрыл мир безмолвием, и в уединении комнаты атмосфера стала почти интимной. Воздух был наэлектризован чем-то негласным. Парень чувствовал, что вот-вот поймет что-то очень важное, но стоило ему потянуться за этой мыслью, как он снова проваливался в пучину сомнений. Он смутно ощущал, что сейчас лучше промолчать и уж точно не называть брата по имени.

— Цзи Мянй, — не выдержал Дуань Чжо.

Его низкий, хриплый голос обладал пугающей силой. Юноша, словно под гипнозом, замороженно прошептал в ответ:

— Брат...

Слова замерли на губах.

В комнате их дыхание слилось воедино.

Дуань Чжо поцеловал его.

<http://bllate.org/book/15358/1422528>